

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Байпаков К. М.*, *Терновая Г. А.*, *Акылбек С. Ш.* К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.)7
- Сулейменов М. Г.*, *Илюшин А. М.* Колчаны у средневекового населения Кузнецкой котловины32
- Серегин Н. Н.*, *Демин М. А.*, *Матренин С. С.* Комплекс украшений кочевников Северного Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам памятника Карбан-1)42
- Шульга Д. П.*, *Шульга П. И.* «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане)60

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Дашковский П. К.*, *Гантуяа М.*, *Шершнева Е. А.*, *Бүрэнэлзий И.* Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования)72
- Еремин А. А.* Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX — начала XX в. (на примере Акмолинской области)90
- Сухова М. В.* Женские образы нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов104
- Лю Л.* Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х г.119

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Молотова Г. М.* Образ представителя раннего аскетизма в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам»131
- Куприянова И. В.* Древлеправославие в имперском дискурсе российской государственности141
- Дударенок С. М.* Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990–2000-х гг.153
- Халидова О. Б.*, *Абдуллаева М. И.* Мусульманские подданные в имперской практике по аккультурации кавказских инородцев: исторический опыт Дагестана конца XIX — начала XX в. (на примере системы образования)173

ДЛЯ АВТОРОВ189

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Ternovaya G. A., Akylbek S. S.* On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries)7
- Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.* Quivers from the medieval population of the Kuznetsk basin.....32
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.* Decoration complex of North Altai nomads in the Great migration period (on the materials of Karban-I site)42
- Shulga D. P., Shulga P. I.* “Bracteates” and “indications” in the context of the monetary tradition of the great silk road (on the example of the 1989 year Xi’an find).....60

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Dashkovsky P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I.* Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study)72
- Eremín A. A.* Regions reviews of the Central Asian periphery of the Russian empire as a source of information about the population of the late XIX — beginning of XX centuries (the Akmola region case study)90
- Sukhova M. V.* Female images of the underworld in the udmurt traditional mythological representations.....104
- Liu L.* Russian emigration’s social and economic life in Xinjiang until the 1930s119

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Molotova G. M.* The image of the representative of early asceticism on «Qissa-i ibrahim ibn Adham» 131
- Kuprianova I. V.* Ancient orthodoxy in the imperial discourse of the russian statehood 141
- Dudarenok S. M.* Orthodox press in the russian far east at the turn of the 1990–2000s.....153
- Khalidova O. B., Abdulaeva M. I.* Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system)173

FOR AUTHORS.....189

УДК 314.743

DOI: 10.14258/nreur(2022)1-08

Лэй Лю*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СИНЬЦЗЯНЕ ДО 1930-х гг.

Целью статьи является изложение результатов исследования особенностей деятельности, осуществлявшейся русскими эмигрантами на территории Синьцзяна в XIX–XX вв. Основное внимание было уделено периоду, предшествовавшему революции, а также последующим двум десятилетиям. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью быта русских эмигрантов и влияния, оказываемого ими на население Синьцзяна. Основными источниками информации по данной теме служат архивные материалы и работы, посвященные описанию жизни русской эмиграции. Работа основана на комплексном, междисциплинарном подходе к изучению прошлого.

До 1917 г. деятельность русских на территории Синьцзяна осуществлялась под защитой императорских консулов. До революции поток эмиграции был незначительным, но именно в это время была создана инфраструктура будущего русского анклава, что исключило необходимость создавать ее заново после событий 1917 г. Однако, даже несмотря на это, белоэмигранты сталкивались с большими трудностями, которые преимущественно заключались в безработице и сложностях в обустройстве быта. Кроме того, культурная среда, в которой они оказались, принадлежала к среднеазиатскому типу, что делало ее во многом отличной от привычной им. Вследствие этого фактора адаптация к новым условиям во многом зависела и от возможности отдельных семей, и от социальных установок. Однако день за днём русские эмигранты становились неотъемлемой частью социального ландшафта Синьцзяна.

Ключевые слова: русская эмиграция, белогвардейцы, Синьцзян, торговля, Кульджинский договор, культура, адаптация.

Цитирование статьи:

Лю Л. Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 119–130.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1-08.

Lei Liu

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)

RUSSIAN EMIGRATION'S SOCIAL AND ECONOMIC LIFE IN XINJIANG UNTIL THE 1930s.

The article aims to present the features of the activities carried out by Russian emigrants in Xinjiang in the 19th-20th centuries. The main focus was on the period leading up to the revolution and the next two decades. The relevance of the work is due to the preliminary study of Russian emigrants' life and their influence on the population in Xinjiang. The primary sources on this topic are archival materials and works devoted to describing the life of the Russian emigration. The work is based on an integrated, interdisciplinary approach to the study of the past.

Until 1917, Russian emigrants' activities were carried out under the protection of the imperial consuls. Before the revolution, the flow of emigration was insignificant. However, they created the infrastructure for the future Russian emigrants, which eliminated the need to create it anew after 1917. Despite this, the white emigrants faced great difficulties, mainly unemployment and difficulties in the arrangement of everyday life. In addition, the new cultural environment they lived in was different from what they were used to. As a result of this factor, adaptation to new conditions largely depended on the capabilities of individual families and social attitudes. Day after day, Russian emigrants became an integral part of the social landscape of Xinjiang.

Keywords: Russian emigration, White Guards, Xinjiang, trade, Treaty of Kulja, culture, adaptation.

For citation:

Liu L. Russian emigration's social and economic life in Xinjiang until the 1930s. Nations and religions of Eurasia. 2022. Т. 27, № 1. P. 119–130. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–08.

Лю Лэй, аспирант третьего курса кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: liulej@yandex.ru

Liu Lei, a third-year postgraduate, department of historical regional studies, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, (Russia). **Contact address:** liulej@yandex.ru ORCID: 0000-0001-8837-1698

Введение

В конце XVIII в. социальная экономика Синьцзяна стабильно развивалась, привлекая большое количество людей из Центрального Китая. Это привело к увеличению численности населения, а также размеров городов и поселков, укреплению торговых связей. Социально-экономическое процветание заложило прочную экономическую основу для развития торговых отношений между Синьцзяном и соседними странами и регионами, в частности с Россией.

Общее социальное и экономическое положение русских эмигрантов сильно зависело от социальной политики, экономической ситуации, культуры, дипломатических отношений и других аспектов. Изучение социально-экономических особенностей их жизни позволяет осветить целый ряд малоизученных проблем, связанных с жизнью эмигрантов в Синьцзяне.

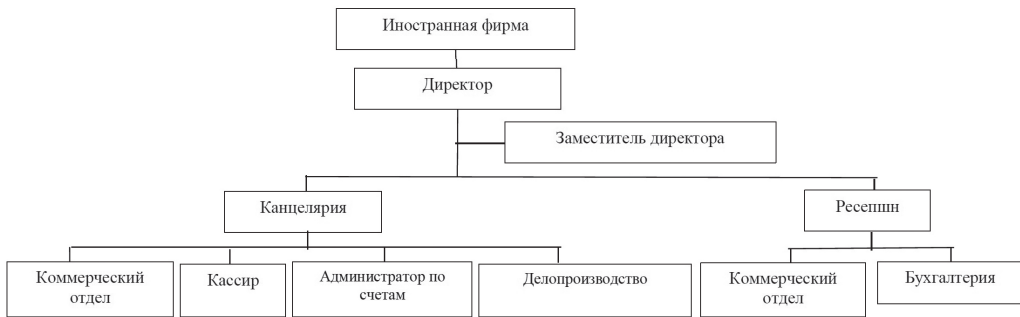
Результаты исследования

Изначально интерес русских эмигрантов к региону был преимущественно экономическим. В середине правления династии Цин в целях усиления контроля над пограничными районами и подавления иностранного сопротивления было введено строгое ограничение прямой торговли с Российской империей. Однако торговый обмен с казахстанцами считался законным, поэтому многие русские купцы представлялись таковыми из Центральной Азии, чтобы осуществлять контрабандную торговлю и собирать политическую и экономическую информацию для дальнейших действий.

Влияние царской России в регионе значительно усилилось после заключения Кульджинского договора в 1851 г. Купцы, имеющие российское гражданство, один за другим стали открывать магазины и иностранные фирмы на территории факторий. После завоевания Российской империей Центральной Азии местные купцы стали играть ключевую роль в процессе торговли. Таким образом, основателями магазинов и иностранных фирм чаще всего были узбеки, татары и, конечно, русские. В результате создания факторий деятельность русских торговцев изменила свой характер, так как они перешли с караванного типа торговли на оседлый.

Организация торговли на дальние расстояния на территории Синьцзяна потребовала особых условий. Для этого необходимо было создать исправно функционирующие перевалочные пункты, специализированные базары, стабильный режим денежных расчетов и защиту прав собственности купцов-чужеземцев. Появление и развитие иностранных фирм способствовало этому.

Все иностранные фирмы можно разделить на три группы: 1) фирмы с вывесками; 2) фирмы без вывесок; 3) иностранные банки, чья деятельность находилась под влиянием иностранных фирм, особое место среди которых занимал Русско-Китайский банк. Из фирм, принадлежащих к указанным категориям, мы рассмотрим только те, которые принадлежали русским.

Модель внутреннего управления иностранных фирм [Чжан ВаньЦай, 2013: 42]

Модель управления иностранными фирмами в ее первоначальном виде была архаичной, но впоследствии была адаптирована под местные условия и стала более эффективной.

Как правило, в канцелярии работали иностранные сотрудники, в чьи обязанности входила обработка запросов, приходивших из-за рубежа. На ресепшен часто нанимали местных жителей, которые отлично знали торговую конъюнктуру, а также имели многочисленные связи среди населения. Итак, каждый выполнял свою функцию, в результате чего иностранные фирмы бурно развивались.

Русские купцы с хорошим кредитом пользовались широкой популярностью в скотоводческих районах. С одной стороны, они обогатили продуктовый ряд, чем разнообразили повседневную жизнь скотоводов, а с другой — выступали в качестве источника информации о событиях, происходящих за пределами данной территории.

Несмотря на то, что деятельность русских эмигрантов объективно оказала положительное влияние на благосостояние местного населения, она негативно сказывалась на функционировании рынков. В микросфере степи торговля осуществлялась по принципу товарообмена, но торговля данного типа никогда не была умеренной, поэтому прибыль русских купцов была довольно значительной. Кроме того, в макросфере по Петербургскому договору 1881 г. русские купцы находились под экстерриториальной юрисдикцией и также получали экономическую выгоду от торговли.

В конце XIX — начале XX в. русские предприниматели начинали вкладывать капитал в экономику Синьцзяна. Ярким примером является открытие отделений Русско-Китайского банка в Чугучаке, Кашгаре, Кульдже. В разных регионах Синьцзяна были построены хлопкоочистительные, кожевенные, мыловаренные, свечные заводы. В тот период основные потребности населения удовлетворялись за счет товаров, привозимых из России.

Установление стабильных экономических отношений, а также учреждение императорских консульств стимулировало развитие географической грамотности. Следствием развертывания масштабной торговли был приезд многочисленных путешественников и специалистов, увлеченных богатой культурой Синьцзяна. Императорские консулы оказывали значительную поддержку востоковедческой науке, обеспечивали ученых и специалистов всей необходимой информацией, чтобы увеличивать уровень их осведомленно-

сти о Синьцзяне. Консул в Урумчи Н.Н. Кротков уделял много сил и внимания пополнению коллекций рукописей, предметов культа, искусства и быта народов Синьцзяна.

С 1891 г. длительная и прочная связь была установлена между консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским и Восточным отделением Императорского Русского археологического общества. За годы сотрудничества русская наука обогатилась ценными собраниями древностей и рукописей [Рагоза, 1972: 247]. В 1889 г. Академия наук организовала специальную археологическую экспедицию в Турфан. Можно сказать, что указанная экспедиция выполнила задачу исследования севера и востока Синьцзяна, тогда как находки Н. Ф. Петровского открыли очень многое об истории южной и западной частей региона.

Помимо этого, императорские консулы еще сотрудничали с русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, обществом востоковедения, с отдельными учеными и путешественниками [Сизова, 2009: 123]. Причины активной организации экспедиций заключались в том, что развитие капитализма внутри России стимулировало научно-технический сдвиг, а прогресс естествознания возбуждал в первопроходцах дух авантюризма. К тому же у российского правительства росла потребность в экспансии. Деятельность указанных людей и организаций расширила границы знаний о Синьцзяне, в некоторой степени став предпосылкой для новых волн русской эмиграции после 1917 г. Но, с другой стороны, эта деятельность также осуществлялась с целью шпионажа.

Развитие экономики в Синьцзяне косвенно затронуло образовательную систему. Торговля помогала устанавливать тесные контакты между русскими купцами и местными жителями, так что передовые идеи первых влияли на взгляды автохтонов. Знание иностранного языка было одним из требований, предъявляемых к желающим устроиться в иностранную фирму. Социальное положение русскоговорящих было иным. Так, высшие чины Синьцзяна часто отправляли своих детей учить язык в Россию или Синьцзян [Тэн ЧуньХуа, Гао ЛиЦинь, 2003: 126].

К примеру, русский язык значился в расписании отдельных школ уже с конца XIX в. По нашему мнению, эта дисциплина была введена, чтобы китайцы могли общаться с русскими купцами, поскольку знание языка партнера способствовало установлению прочных деловых отношений.

Школьное расписание в конце XIX в. в Синьцзяне [Юе Ян, 2019: 37]

День недели	До полудня				После полудня
	1	2	3	4	
Суббота	филология	филология	музыка	арифметика	художественная самодетельность или физический труд
Воскресенье	естествознание	история	география	чтение и письмо	
Понедельник	история	арифметика	физическая культура	естествознание	
Вторник	чтение и письмо	география	здравоохранение	рисование	
Среда	арабский и персидский языки	литература	русский язык	история	
Четверг	идейно-нравственное воспитание				
Пятница	Отдых				

Далее с 1905 г. была проведена реформа в Дихуа (ныне Урумчи), в результате которой образовательная благотворительная организация Шуюань превратилась в школу. В расписание были включены занятия по русскому, английскому, немецкому, французскому языкам, среди них русский язык был обязательным предметом для средней ступени средней школы и средней ступени старшей школы. В том же году в Чугучаке была создана бесплатная школа, в следующем году было основано еще одно заведение с шестью классами, где преподавали китайский, русский, монгольский, уйгурский и казахский языки. В целом, до революции преподавание русского языка на территории Синьцзяна происходило не только стихийно, но и организовано, на официальном уровне.

Тогда в Кульдже находилась хорошо оборудованная русская почтово-телеграфная контора, которая имела огромное значение для связи населения округа с прилегающими русскими областями — Семиреченской и Семипалатинской [АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 105. Д. 8: 183]. В тот момент местные официальные почтовые станции были правительственными и не могли быть использованы физическими лицами. Русское почтово-телеграфное отделение удовлетворяло такой спрос. С одной стороны, оказание подобного рода услуг делало жизнь большей части местного населения проще, но с другой стороны, оно нарушало суверенные права государства на почтовые операции, что негативно сказывалось на размере налоговых поступлений. Поэтому под давлением иностранных сил в 1910 г. Цинское правительство начало создавать почтовые отделения по всему Синьцзяну. Следует отметить, что первоначально Цинское правительство воспользовалось иностранным опытом для развития почты Синьцзяна [Фэн Ваньци, 2015: 53–54].

После 1917 г. положение русской эмиграции стало иным по ряду причин. Поражения русских войск на фронтах Первой мировой войны с 1914 г. привели к падению политического престижа России в Синьцзяне; после Гражданской войны императорские консулы постепенно потеряли свои широкие полномочия, соответственно, русские эмигранты больше не могли получать особые льготы; отдалённость от других миграционных центров не давала возможности обратиться за помощью. После революции эмигранты были представлены в основном военнослужащими, следовательно, найти другую форму занятости для них было намного труднее, чем эмигрантам из купцов. Отношения между бывшими и новыми эмигрантами были настороженными, поскольку большинство бывших эмигрантов не хотели вмешиваться в дела новых из-за ситуации, сложившейся в отношениях между Советской Россией и правительством Синьцзяна. Таким образом, белогвардейцы и беженцы, которые только прибыли в Китай, были одиноки и беспомощны в своем положении.

Новая волна эмиграции была представлена остатками войск атаманов А. И. Дутова, Б. В. Анненкова, А. С. Бакича и других белогвардейцев, а также беженцев. Адаптация к новой жизни в первые месяцы проходила в тяжелейших условиях. Особенно следует учитывать физическое состояние солдат и гражданских лиц после сложнейшего перехода русско-китайской границы, а также их душевные переживания (психологическое, эмоциональное состояние).

В новых условиях налаживание быта стало первоочередной задачей. Необходимо подчеркнуть, что в первой половине 20-х гг. XX в. большинство эмигрантов надеялось

на возвращение на родину, поэтому они не акцентировали процесс адаптации к жизни в Синьцзяне.

Увеличение численности русских белоэмигрантов в Синьцзяне постоянно вызывало рост социальных проблем. Хотя эмигранты создали общий орган — Русский Шанхай — для оказания материальной и медицинской помощи, этого было недостаточно [Наземцева, 2014:143].

Примечательно, что с первого дня пребывания на китайской территории образ жизни каждого из отрядов белогвардейцев складывался по-своему. Основная причина заключается в том, что численность каждого отряда была разной, иными словами, количество рабочих рук варьировалось от отряда к отряду, что сильно повлияло на дальнейшую жизнь каждого из них. В этой связи отряд А. С. Бакича первоначально занимал более выгодное положение. Для налаживания быта в лагере было решено возводить балаганные постройки, которые со временем перерастали в улицы. Постепенно жизнь в лагере стала возвращаться в нормальное русло. С первых дней обитатели лагеря были разделены на женатых и холостых, соответственно, те, у кого была семья, могли лучше устроиться. Более того, были созданы сапожные, портняжные мастерские, а также организована хлебопекарня.

Были построены бани; для эмоциональной разрядки появились музыкальные инструменты, заработал любительский театр, даже организовывались киносеансы. Также была организована библиотека, в ней можно было читать произведения А. С. Пушкина и других русских авторов. Но библиотека была доступна только для тех, кто соответствовал определенным требованиям. Наряду с этим, в штабе отряда также имелась возможность узнать новости из России из журнала «На чужбине» [Петякшина, 2015: 93].

Что касается А. И. Дутова, то, несмотря на финансовые трудности, которые испытывал отряд, он снял двухкомнатный дом, в небольшом дворе которого находилась еще однокомнатная сакля, где разместились два фельдъегеря атамана и его вестовые. Рядом располагался навес, под которым стояли две лошади А. И. Дутова [Ганин, 2006: 387]. Дутовцам было предложено разместиться в казармах русского консульства, но помещений было недостаточно для отряда, поскольку часть казарм была занята китайскими солдатами. В этой связи А. И. Дутов оставил в казармах лишь часть офицеров и казаков, а остальные были размещены в землянках. По его приказу были организованы мастерские для производства оружия и одежды [Наземцева, 2013: 37–38].

Экономическое положение и занятия русских эмигрантов существенно зависели от состояния и развития экономики самой провинции, а также политики советского государства. После ликвидации атаманов бывшие белогвардейцы были вынуждены искать возможности для заработка и размещения на частных квартирах. Их дальнейшая жизнь зависела только от них самих.

В середине 20-х гг. XX в. среди русских эмигрантов преобладали следующие профессии: колбасники, работники столярной мастерской, работники кишечного завода, часовые мастера, скотоводы, сторожа, учителя, фельдшеры и некоторые другие. Определенная часть эмигрантов также числилась на службе у китайцев. Бывший императорский консул А. А. Дьяков (Урумчи) стал советником дудзюня (устаревшее название во-

енных губернаторов в Китае начала XX в.); бывший драгоман (переводчик) С. В. Недачин, работавший в кульджинском консульстве, стал учителем сына дудзюна.

Обыватели по своему происхождению и настроениям, случайно, быть может, вовлеченные в белое движение и дорого заплатившиеся за это, русские эмигранты теперь вынуждены были выживать и были готовы примириться с любой властью, лишь бы их оставили в покое [АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 10. П. 124. Д. 23: 35].

Следует отметить, что иностранные фирмы в Синьцзяне также нанимали белогвардейцев в целях разведки, поскольку часть эмигрантов еще надеялась на свержение власти большевиков. К ним относились, например, американская фирма Бронеер и немецкая Фауст. Некоторые белоэмигранты даже занимали управляющие должности [Комиссарова, 2004: 82–83]. В свою очередь такая практика являлась одним из способов борьбы с усилением советского влияния в Синьцзяне. Учитывая исторический опыт, их действия нанесли ущерб Советскому Союзу, но он был незначительным.

После нормализации торговых отношений в Синьцзяне были организованы советские предприятия, а также советский банк. Некоторые крупные русские фирмы, созданные до 1917 г., также имели тесные торговые связи с Советским Союзом. Интересно отметить, что в некоторых советских организациях работали русские эмигранты, в том числе участвовавшие в белом движении. К концу 20-х гг. из-за политической обстановки в СССР и в самой провинции эти работники были заменены советскими гражданами, что стало новым потрясением для белоэмигрантов.

Скоро эмигранты второй волны встретились с новыми эмигрантами, прибывшими в Китай в 30-х гг. XX в. Это были люди, бежавшие от коллективизации. Материальное положение эмигрантов оставляло желать лучшего. В первые месяцы они стремились наняться к местному населению либо арендовать у них землю. Для поселения вновь прибывшие выбрали деревни, что позволяло им экономить денежные средства и одновременно заниматься скотоводством и земледелием. На огородах выращивали то же, что и в России: огурцы, помидоры, редиску, тыкву. В летнее время дети часто ходили за ягодами в лес. Сравнительно богатые семьи держали коров и лошадей. Непрерывное возделывание земли обеспечивало всю семью, а благодаря прибавочному продукту появилась и возможность торговать на местных рынках.

К тому времени вследствие переселения русских семей из городов (в том числе из Кульджи, Чугучака и Урумчи) в деревни численность русского населения постоянно увеличивалась, поскольку им было трудно жить в условиях города. В результате в сельской местности сложилась более развитая инфраструктура, чем в городах.

В целом белоэмигранты из русских и татар до 1938 г. частично занимались земледелием, частично торговлей, ведя дела даже с советскими торговыми организациями. Многие из белоэмигрантов, а также бывших белогвардейцев работали в качестве служащих и чернорабочих как на местных, так и на советских предприятиях. Однако с конца 1937 г. (в основном в 1938 г.) советские учреждения и предприятия в Синьцзяне прекратили отпуск товаров белоэмигрантским и белогвардейским торговым фирмам, а также очистили учреждения и предприятия от служащих и рабочих из белогвардейцев и белоэмигрантов [РГВА. Ф.25895. Оп.1. Д. 938: 8].

Кроме того, в Синьцзян прибывали спасавшиеся от депортации беженцы с Дальнего Востока. Материальное положение новых эмигрантов было не таким тяжелым, как у бывших эмигрантов первой и второй волн, потому что среди них были русские жены с китайскими мужьями.

Таким образом, основные волны эмиграции концентрировались на территории Синьцзяна. К концу 30-х гг. XX в. бытовые проблемы русских оставались серьёзными, хотя на тот момент способы их решения были найдены.

Одним из ключевых аспектов налаживания быта было обустройство школ, что осуществлялось при участии официальных сил провинции.

Особый интерес представляют следующие учебные заведения. В 1925 г. во дворе консульства Дихуа была организована русская школа в целях решения проблем образования у детей, родители которых работали в консульстве. Здесь также учились дети видных общественных деятелей, которые впоследствии достигли выдающихся успехов в своих областях.

В 1930 г. по инициативе нескольких известных элуосицу была создана китайско-русская школа с поддержкой Илийского правительства. Среди учеников числились как русские, так и представители других национальностей.

В 1935 г. было создано Русское культурное общество. Под его руководством были открыты начальные и средние школы в Или и Чугучаке, а в Дихуа была создана средняя школа, которая в то время называлась Вторая Синьцзянская правительственная гимназия. В указанных школах были внедрены передовые концепции преподавания, гимназисты учились по учебным пособиям из СССР. Большинство преподавателей также приехали из Советского Союза, соответственно, преподавали на русском. Набор в указанные учебные заведения проводился среди детей из семей русских купцов или эмигрантов, среди которых были дети из богатых семей местных народов.

Кроме того, русские школы были организованы в поселках, где был сконцентрирован основной поток русских эмигрантов, в частности, в Суйдине, Калмакуре, Текесе, Нилки, Циншуйхэ, Дурбульджине, Юймине. По масштабам, конечно, эти школы были намного меньше, чем в Кульдже, Чугучаке и Дихуа, следовательно, учебная жизнь в них несколько различалась.

В 1936 г. в Дихуа был открыт международный книжный магазин, где продавали советские книги, журналы, газеты с разными иллюстрациями, афиши и альбомы по очень низкой цене. Эти материалы оказали значительное влияние на духовное развитие всех местных жителей разных национальностей, косвенно простимулировав их узнавать больше о Советском Союзе. Особую роль в этом процессе сыграл тот факт, что многие книги того времени, написанные на китайском языке, были без иллюстраций, к тому же уровень письменной грамотности среди местного населения был разным.

Отметим личности, чья деятельность повлияла на развитие культуры и сыграла важную роль в распространении западной живописи. По воспоминаниям Чун Чжи, художника, родившегося в 1904 г. в Кульдже, белоэмигрант Михаил Дьяченко, проживавший здесь в 1926 г., открыл магазин прикладного искусства. Михаил Дьяченко рисовал декорации для фотографий, вывески для магазинов, а также пейзажи, копировал мари-

ны И. К. Айвазовского. Его магазин позволил местному населению сформировать базовое представление о западной живописи, влияние которой только усилилось после открытия международного книжного дома.

Влияние русских эмигрантов не было ограничено областью культуры. В 1933 г. к власти в Синьцзяне пришел Шэнь Шицай, проводивший курс на сближение с СССР. В этих условиях советское правительство направило в Синьцзян сотню советников и специалистов и оказало значительную помощь в сферах экономики, в частности в аграрном и сельскохозяйственном секторах, транспорте и здравоохранении. Однако эта волна эмиграции имела свою специфику по сравнению с предыдущими, в связи с чем ее влияние следует рассматривать отдельно.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ влияния русских эмигрантов на развитие экономики Синьцзяна позволяет заключить, что их участие в местной социально-экономической жизни и защита императорских консульств помогли еще до революции сформировать в регионе единую экономическую систему. Безусловно, деятельность русских эмигрантов того времени наносила и ущерб гражданским правам местных жителей Синьцзяна. Однако одновременное внедрение новых идей способствовало дальнейшему развитию многих сфер экономики Синьцзяна. После революции, до получения помощи от советских специалистов, для быстрой адаптации к условиям жизни в Китае на пограничной территории эмигранты новой волны параллельно создали русский квартал, в пределах которого размещались жилые дома, школы, а также магазины. В этот период для большинства эмигрантов главной задачей было выживание. Повседневная жизнь на единой территории позволила эмигрантам показать местным жителям Синьцзяна русскую культуру с разных сторон. Однако влияние, которое они оказывали на жизнь местного населения, было специфичным для каждого русского населенного пункта. В целом рассмотренные события оказали положительное влияние на обустройство быта народов Синьцзяна.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке CSC.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 105. Д. 8. Л. 183.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 10. П. 124. Д. 23. Л. 35.

Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 688 с.

Комиссарова Е. Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзян в 1920–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.

Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М. : Нобель Пресс, 2013. 278 с.

Наземцева Е. Н. Особенности правового положения русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян (1920–1940-е гг.) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 137–152.

Петякшина Е. А. Повседневный быт солдат и офицеров интернированных частей белой армии в Синьцзяне (1920–1921 гг.) // Востоковедные исследования на Алтае. 2015. № 9. С. 91–95.

Рагоза А. Н. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Письменные памятники Востока. М. : Наука, 1972. С. 244–261.

Российский государственный военный архив. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 938. Л. 8.

Сизова А. А. Социокультурная деятельность русских консульств в Западном Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества : материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2009. С. 119–125.

滕春华, 高莉琴. 从社会语言学角度看俄语在新疆. 新疆大学学报. 2003. №.4. С. 125–129. [Тэн ЧуньХуа, Гао ЛиЦинь. Русский язык в Синьцзяне с точки зрения социолингвистики // Вестник Синьцзянского университета. 2003. №.4. С. 125–129].

冯琬琦. 帝俄驻新疆领事馆研究 (1851年-1917年). 兰州大学研究生学位论文. 兰州, 2015. 71 с. [Фэн Ваньци. Исследование российских консульств в Синьцзяне (1851–1917 гг.): магистерская работа. Ланьчжоу, 2015. 71 с.].

张万财. 晚清至民国时期新疆洋行研究. 新疆大学硕士研究生学位论文. 新疆, 2013. 105 с. [Чжан Ваньцай. Исследование иностранных фирм Синьцзяна в периоде поздней династии Цин и Китайской Республике: магистерская работа. Синьцзян, 2013. 105 с.].

岳杨. 西画在新疆地区的早期传播研究 (1851–1949). 西安美术学院博士研究生学位论文. 西安, 2019. 198 с. [Юе Ян. Распространение западной живописи в Синьцзяне, 1851–1949) : дис. ... канд. искусствоведения. Сиань, 2019. 198 с.].

REFERENCES

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Fund. Referentura po Sin'tszianu. Inventory. 6. Folder. 105. File. 8. fol. 183 (in Russian).

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Fund. Referentura po Sin'tszianu. Inventory. 10. Folder. 124. File. 23. fol. 35 (in Russian).

Ganin A. V. *Ataman A. I. Dutov* [Ataman A. I. Dutov]. Moskva: Tsentrpoligraf, 2006. 688 s. (in Russian).

Komissarova E. N. *Belogvardeiskaia emigratsiia v Sin'tszian v 1920–1935 gg. Diss. kand. ist. nauk* [The White emigration in Xinjiang in 1920–1935. Ph. D. Thesis in history]. Barnaul, 2004. 226 s. (in Russian).

Nazemtseva E. N. *Russkaia emigratsiia v Sin'tsziane (1920–1930-e gg)* [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930)]. Moskva : Nobel' Press, 2013. 278 s. (in Russian).

Nazemtseva E. N. *Osobennosti pravovogo polozheniia russkoi emigratsii v kitaiskoi provintsii Sin'tszian (1920–1940-e gg.)* [Features of the legal status of the Russian emigration

in Xinjiang (1920–1940)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg historical journal]. 2014, no. 2. S. 137–152 (in Russian).

Petiakshina E. A. Povsednevnyi byt soldat i ofitserov internirovannykh chastei beloi armii v Sin'tsziane (1920–1921 gg.) [Soldiers and officers' daily life of the White emigration in Xinjiang (1920–1921)]. *Vostokovednye issledovaniia na Altae* [Oriental Studies of Altai]. 2015, no. 9. S. 91–95 (in Russian).

Ragoza A. N. K istorii slozheniia kollektсии rukopisei na sredneiranskikh iazykakh iz Vostochnogo Turkestana, khраниashchikhsia v rukopisnom otdele LO IVAN [The history of the collection of manuscripts in Central Iranian languages from East Turkestan, stored in the manuscript department of LO IVAN]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* [Written Monuments of the East]. Moscow, 1972. S. 244–261 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian state military archive]. Fund. 25895. Inventory. 1. File. 938. fol. 8 (in Russian).

Sizova A. A. Sotsiokul'turnaia deiatel'nost' russkikh konsul'stv v Zapadnom Kitae vo vtoroi polovine XIX — nachale KhKh vv. [Socio-cultural activities of Russian consulates in Western China in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Rossia i Kitai: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i novye grani sotrudnichestva: materialy Nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: historical experience of interaction and new facets of cooperation: materials of the Scientific-Practical conference]. Ekaterinburg, 2009. S. 119–125 (in Russian).

Ten Chunhua, Gao liqin. Russian language from the point of view of sociolinguistics in Xinjiang. *Journal of Xinjiang University*. 2003. №.4. P. 125–129 (in Chinese).

Fen Wanqi. The Study of Russian consulates in Xinjiang (1851–1917). Lanzhou: Graduate dissertation. 2015. 71 p. (in Chinese).

Zhang Wancai. The study of Foreign Firms in Xinjiang during the Late Qing Dynasty and the Republic of China. XinJiang: Graduate dissertation. 2013. 105 p. (in Chinese).

Yue Yang. The Spread of Western Painting in Xinjiang 1851–1949). Xi'an: Doctoral Dissertation. 2019. 198 p. (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 23.12.2021.

Принята к публикации 20.02.2022

Дата публикации 25.03.2022